Культура. – 2004. – 9–15 дек. – с.10

И золотые облака мне снятся...

Выставка Федора Алексеева в Третьяковке

Десять ведущих музеев России (Эрмитаж, "Царское Село", Русский и Музей архитектуры, "Останкино" и "Архангельское", а также Всероссийский музей Пушкина и еще ряд сокровищниц) плюс собрат из ближнего зарубежья – Национальный художественный музей Республики Беларусь – собрали воедино наследие Федора Яковлевича Алексеева (1753/1754 – 1824) на посвященную ему выставку. Она открылась в Инженерном корпусе Третьяковской галереи в честь 250-летия знаменитого пейзажиста. Предыдущая "персоналка" этого художника также проходила в Третьяковке, но еще в 1953 году. Это была совсем другая эпоха и почти совсем другая страна. К творчеству Алексеева – а его картины имелись во многих крупных музеях – относились с почтением, но и с известным холодком. Да, конечно, этот живописец впервые с должным размахом показал замечательные виды обеих русских столиц. Признавали (и затруднительно было бы не признать), что его пейзажи являют очень высокое художественное качество. Но они слишком сильно отличались от произведений любимых народом Левитана, Шишкина, Айвазовского. Заказчиками Алексеева часто бывали царственные особы – Екатерина II, Павел I, Александр I, его работы в свое время находились в собраниях Зубовых, Юсуповых, Строгановых, Орловых, Барятинских. В нем видели порождение рафинированного интернационального стиля конца XVIII века, который считался чуждым истинно русскому духу и глазу. Однако настоящие знатоки живописи всегда ценили творчество этого блистательного мастера.

Федор Алексеев был человеком простого происхождения (его отец, отставной солдат, нанялся работать сторожем Императорской Академии художеств). Точная дата и даже год его рождения неизвестны – кстати, экспозиция 1953 года тоже была связана с "круглым" юбилеем, если вести отсчет от 1753 года. Разделенный на три части выставочный комплекс Инженерного корпуса ГТГ очень подошел концепции выставки. В небольшом боковом зальчике висят уменьшенные копии работ европейских художников, специализировавшихся в жанре городского пейзажа. Они смотрятся как своего рода отчет – и, действительно, Алексеев, в 1773 году с отличием закончивший Академию художеств, последующие пять лет провел в Венеции на стажировке. Как свидетельствуют документы, она проходила как-то не очень ладно, и вообще Алексеев попал в Венецию, когда там настали не лучшие времена. Расцвет всевозможных искусств, который Светлейшая республика переживала весь XVIII век, закончился как раз к 1770-тым. Пышный венецианский стиль, когда-то бодро влившийся в общеевропейский поток стиля рококо, теперь одряхлел и отступал перед набиравшим силу классицизмом. Но классицизм и Венеция – все-таки две вещи несовместные.

Начиная с 1720-х, художник Антонио Каналь, по прозвищу Каналетто, и его племянник Бернардо Беллотто, а вслед за ними и другие с успехом культивировали утонченный и эффектный жанр ведуты – городского пейзажа, сделанного при ясной, солнечной погоде с достаточно глубокой перспективой. С легкой руки дяди и племянника ведута распространилась по всему европейскому континенту. Но во времена Алексеева, который прибыл в Италию именно как начинающий мастер ведуты, почти никого из великих уже не осталось в живых. Конечно, сохранялась традиция, но ее развивали почти одни эпигоны. Алексееву, который в Венеции в основном занимался копированием работ Каналетто, Беллотто и других мастеров прошлого, казалось, что ведуту лучше делают в Риме, который к тому же становился оплотом нового классического стиля. Художник рвался из Венеции в Рим, однако ему помешали, и он был вынужден вернуться в Россию.

В Петербурге карьера Алексеева сначала надолго затормозилась, потом стала налаживаться, а в 1790-е наступил замечательный расцвет его творчества. Кисть живописца приобрела дополнительную мощь, и один за другим стали появляться виды Петербурга во всей его торжественной, вновь созидающейся красе. Очевидно, Северная Венеция сумела предоставить художнику тот творческий импульс, которого так не хватало ему в одряхлевшей "царице Адриатики". В центральном зале выставки собраны картины, которые Алексеев создал в 1790 – 1800 годы. Тогда пригодились ему уроки перспективной живописи, полученные в академии и в Италии.

Величавое пространство Северной столицы по воле мастера раздвигается и сдвигается. Петербургские виды Алексеева – это ландшафты, очень выстроенные, но художник умудряется сохранить непосредственность взгляда. Его манере присущи классическая медитативная размеренность и в то же время отменная живость. Алексеев первым из русских пейзажистов стал работать в крупном масштабе. Это было вполне закономерно, ибо его картины в первую очередь предназначались для украшения дворцовых интерьеров. Устроители выставки недаром оформили центральный ее зал именно как дворцовое помещение.

Но вот что более всего примечательно в пейзажах Алексеева: столь любимое им пространство Петербурга и других русских городов наполняется неким новым, иным качеством, которое удивительным образом становится напоминанием о когда-то оставленной им нелюбимой Венеции – и это напоминание останется с художником на всю жизнь. Под его кистью холодная столица северной страны преобразится в место, где царит вечное лето; да и вообще художники России научатся изображать русскую зиму спустя 70 – 80 лет. Цвет невской воды у Алексеева отсвечивает венецианской зеленью, лодки невских перевозчиков приобретают явное сходство с венецианскими гондолами. Питерские облачка он превратит в источающие золотистый свет, причудливые воздушные замки с розовым отливом, которые так любили сооружать в своих картинах Тьеполо и Веронезе.

В начале царствования Александра I Федор Алексеев, к тому времени ставший уже вполне заслуженным художником, получивший многие академические регалии, направляется начальством в Москву для писания тамошних видов. Он сделал их во множестве и, как всегда, мастерски (в чем зритель может убедиться тут же, в центральном зале выставки). Однако, судя по этим видам, на него, жителя самого европейского из городов России, Москва произвела примерно то же сильное, хотя и диковатое, впечатление, что и на Наполеона и его армию, которые пожаловали сюда десятью годами позже. Живописные виды Москвы работы Ф.Я.Алексеева, а также большая серия подготовительных эскизов, созданная в 1801 – 1802 годах совместно с учениками Мошковым и Кунавиным, ко всему прочему оказались в числе бесценных воспоминаний о том, как выглядела Москва до пожара 1812 года. Эти эскизы из так называемой "портфели № 189", весьма неравноценные по качеству, – довольно интересное, хотя и несколько утомительное дополнение к выставке – заняли второй боковой зал. Организаторы вволю порезвились, устраивая в нем целые кварталы допожарной Москвы – с помощью перегородок, куда эскизы помещены ленточной развеской. Внимательный зритель увидит некоторые знакомые улицы и здания, которые чудом смогли сохранить свой прежний облик, но гораздо больше он встретит здесь того, что исчезло навсегда.

Ирина ЛЕЙТЕС

Ф.Алексеев. "Вид Михайловского замка в Петербурге". 1799 – 1800 гг.